

ВЫБРАНО: ДЕНТРИКА I ИЗ I

ВКЛЮЧЕНИЕ НЕЙРОННОГО КОНГРЕССА

ТРЕБУЕТСЯ ПОДКЛЮЧЕНИЕ БЕСПРОВОДНОГО АВТОШУНТА

ЗАГРУЗКА...

+СВЯТОСТЬ МАШИНЫ+

Всё началось с филактической подписи.

Омнид Торкуора находился на пути к диагностикоруму. Он был предупреждён о новой атаке на оперативную базу скитариев в Пепельных Пустошах Цитонии, подбитой в горах Таргарии титанической богомашине, расстрелянной боевыми катерами колонне дюнных краулеров на грузовой трассе Нуминска, и ещё одном решительном наступлении на шахты глубокого залегания в Каньоне Ортокус.

Архимагос проклинал себя. Он должен был сделать свою работу лучше, скрывая значимость этого места. Возможно — укрепляя другие цели, кажущиеся незначительными. Теперь Идрисс Крендл разнюхал стратегию Торкуоры и место, которое тот отчаянно хотел удержать. Именно сопротивление на этом участке и убедило Военного Кузнеца Железных Воинов, чьи тактические инстинкты он демонстрировал на всей поверхности планеты, в необходимости отобрать шахты у архимагоса.

Когда Торкуора шёл вниз по коридору, широкий каркас его бронированного костюма заставлял прижиматься к противоположной стене палубных сервиторов, солдат-скитариев и техножрецов. Его суперкогитаторы и рунные банки данных обрабатывали льющийся на архимагоса поток информации. Передвижения войск. Аудит повреждений и выхода из строя. Каналы данных. Интерфейс манифольда Титанов. Данные наблюдения инфорабов, дронов-прорицателей и сервочерепов, дрейфующих сквозь мириад боевых зон мира-кузницы Предателей.

Всё это архимагос пропускал через суперкогитаторы, встроенные в кафедру его бронированного торса. Доверившись тонким дополнительным мультиконечностям, лихорадочно работавшим с рунными экранами и глиф-ключами, Торкуора позволил себе отвлечься на филактическую подпись. Это было просто невозможно. Идентификатор принадлежал Ансис-86 Ольтеге.

Омнид Торкуора был со скитарием, когда тот умер. Он лично санкционировал смерть киберсолдата, чтобы обеспечить тактическое преимущество и сорвать успешное продвижение противника. Идентификация Ольтеги отмечалась сначала на оперативной базе скитариев в Цитонии, как часть Адвенсис VI Регнаультикона, когорты рейнджеров, к которой солдат никогда не принадлежал. Торкуора попытался установить филактическое соединение с Ольтегой через диагностикорум, но был уведомлён о том, что подобного канала не существует.

Оттуда Ольтега улетел в десантном отделении лихтера, приписанного к кораблю-кузнице

«Стеропис», вместе с полным трюмом скитариев, нуждающихся в ремонте и кибернетической хирургии. Он не был включён в список тех, кто нуждается в обслуживании. Отдавая приказ о расследовании автомату безопасности на борту кузнечного корабля, Торкуора засёк короткое указание в канале автомата о столкновении, после чего машина немедленно отключилась.

Убеждённый произошедшим в том, что наблюдает за проникновением разведчика, архимагос собрал на полётной палубе «Мистраля» полу-кладу Сикарийских ржаволовчих. Они ждали грузовой тягач, который Ольтега угнал из ангара корабля-кузницы. Обыск тягача показал наличие сервитора-пилота, приписанного к судну, и распахнутый люк воздушного шлюза. Разведчик покинул корабль раньше, перепрыгнув на корпус ковчега-крейсера, и проник внутрь через технологический лаз.

Остановившись со звуками гидравлики, напоминавших вздохи, Торкуора сканировал потоки данных и каналы вокс-связи в поисках необычной активности. Лазутчик проник на борт «Мистраля», не поднимая тревоги. Казалось, он знаком с системами, идентификацией и организацией контингента скитариев флота. Также он продемонстрировал некоторые знания об устройстве «Мистраля».

Торкуора, всегда жадный до сбора данных, протестировал непредвиденные обстоятельства, и начал учиться у своего врага, предоставив разведчику полную свободу в демонстрации его стратегий. Это лишь поможет архимагосу в выявлении слабых мест и устранении недостатков системы безопасности флота. Лазутчик проник гораздо глубже, чем ожидал Торкуора. Теперь он находился на борту ковчег-крейсера, и архимагос очень неохотно позволял разведчику продвигаться дальше.

Идентификационные подписи Ольтеги исчезли. Но не только они — несколько скитариев-часовых и канал телеметрии палубного суб-альфы также пропали, один возле ангаров обслуживания, и двое на верхних палубах казарм.

Омнид Торкуора развернулся, и направился назад, к своим личным покоям. Его гидравлические ноги гулко ударяли в палубу. Ощущая путь разведчика по кораблю, и изучив логи секций судна, рунные банки и вокс-каналы скитариев, Торкуора совершил открытие, едва не перегрузившие логические цепочки его когитаторов. Когда идентификационная сигнатура Ансис-86 Ольтеги исчезла, её сменила авторизация незарегистрированного скитария Альфа. На посту охраны, при проходе через гермодвери повышенной безопасности и в потоках сканирующих лучей инфорабов-сервочерепов, лазутчик применял авторизации и разрешения, хорошо известные Торкуоре.

Биометрическое профилирование в барбикане, ведущем к палубе рефекториума сразу за покоями Торкуоры подтвердило личность инфильтратора. Его плоть не могла лгать.

<— Суб-альфа Эсттех, — Торкуора связался с дежурным офицером, отвечающим за безопасность корабля, — приведите верхние палубы в состояние повышенной боевой готовности. После этого прибудьте в мои покои со взводом часовых. Тяжеловооруженных, если не сложно>.

<— Незамедлительно, архимагос!> — ответил скитарий.

Когда Торкуора добрался до своих покоев, Эсттех и его скитарии были уже там. Суб-альфа проверял признаки жизни и возврат данных у двух скитариев-часовых, размещённых на посту у входа в апартаменты архимагоса. Они были мертвы. Торкуора был удивлён гораздо меньше отряда часовых, который немедленно взял под прицел дуговых винтовок распахнутую гермодверь. Торкуора почувствовал смерть солдат, и даже смог различить мелькнувшую фигуру их убийцы в пикт-канале их последних моментов. Наличие у разведчика кодов доступа на палубу рефекториума и персональным покоем архимагоса говорило только об одном. Больше не было сомнений в идентификации лазутчика.

<— Омниспектральное зрение>, — приказал суб-альфа Эсттех.

<— Сканируем, — откликнулись скитарии-часовые. И подтвердили: — Один сигнал...>

<— Суб-альфа Эсттех, — сказал Торкуора, — у нас вражеский лазутчик на борту. Диверсант. Возможно, ассасин. Я хочу, чтобы вы взяли его живым. Вы поняли меня?>

<— Да, архимагос, — сказал Эсттех, приступая к выполнению команды. — Рекалибровать оружие. 7-Модифекс Беток, Гармоник-4 Фектра: оставайтесь с Лордом Торкуорой>.

Медленно войдя в покои Торкуоры, скитарии-часовые подняли дуговые винтовки к плечам. Их оптика сфокусировалась вдоль оси ствола, и они продолжили двигаться, обыскивая помещения, выцеливая углы, альковы, боковые комнаты.

Нарушитель не заставил себя ждать.

Одна половина головы скитария-часового взорвалась, разлетевшись всплеском мозговых тканей и краниальной аугметики. Еще до того, как воин успел упасть на палубу, двое оставшихся были повержены. Один киберсолдат зажимал разорванное горло и разбитый ребризер, другой получил выстрел в свою маску.

Комнаты наполнились сполохами света и штормом, когда суб-альфа Эсттех и его часовые открыли огонь из своего оружия, испустив потоки молний. Поток энергии прошёл сквозь рунные банки, и бушевал тонкими разрядами между полированными стальными стенами.

Вычурная мебель взорвалась, разлетевшись осколками, а гололитический подиум и оверлей-экраны покрылись статическими помехами.

<— Навестись на цель, и...> — суб-альфа Эсттех начал говорить, не успев закончить. Лазутчик вышел из-за шипящей колонны со сверкающими вспышками выстрелов пистолетами. Заряды один за другим летели в грудь Эсттеха, и его боевые доспехи почти не защищали от них. Едва офицер-скитарий упал на пол покоев, Гамоник-4 Фектра открыл канал связи.

<— Часовые резерва, немедленно прибыть на палубу рефекториума>, — передал скитарий.

<— Архимагос. Следуйте за нами, пожалуйста>, — сказал 7-Модифекс Беток Торкуоре, отступая вместе с Гармоник-4 Фектра обратно в проход. Торкуора остался стоять, наблюдая, как скитарии спотыкаются перед открытой дверью покоев. Как только они упали на полированный металл пола, тихий свист пистолетного огня прикончил их.

<— Архимагос, — сказал Гармоник-4 Фектра. — Не время для обсуждений. Мы должны доставить вас в безопасное место>.

<— Нет>, — сказал Торкуора, когда дуговой поток яростно опалил комнату, найдя выход через открытую дверь. Огонь испепелил тела часовых-скитариев. Положив перчатки на оружейные гнезда Торкуоры, 7-Модифекс Беток и Гармоник-4 Фектра потянули чудовищное тело техножреца в нужном направлении.

<— Архимагос, прошу вас, — сказал 7-Модифекс Беток. — Таковы протоколы>.

Однако, всё было бесполезно. Может, Омнид Торкуора и был высохшими, прошитыми кабелями останками старика, но его бронекостюм по ширине мог сравниться с Дредноутом Адептус Астартес, и весил, как бронетранспортёр. Сдвинуть архимагоса с места не удалось.

Когда последний часовой-скитарий пал от точного выстрела пистолета, лазутчик вышел туда, где Торкуора мог его видеть. Он был облачен в разбитые доспехи и лохмотья скитария-рейнджера. Снятая с мертвеца, посечённая болтами униформа и деформированное порчей шасси носили идентификаторы Ансиса-86 Ольтеги, погибшего в бою на поверхности планеты. Кибернетика убийцы была извращением формы рейнджера, наполовину скрытая под испачканным в золе и разорванным болтами плащом.

В паре черных металлических когтей лазутчик сжимал оружие, напоминавшее радиевый пистолет, от которого исходило яростное сияние. Рад-курильницы Торкуоры сказали ему, что этот пистолет не излучает радиации, но содержит в себе нечто гораздо более худшее. Когда лазутчик шёл, опустив ствол оружия, куски мозгов и остатки бионики погибших часовых разлетались от него в стороны по полированному полу.

Беток и Гармоник выступили, чтобы защитить архимагоса, обратив потоки электрической ярости на диверсанта. Кошмарная фигура превратилась в шар сверкающего сияния, когда потоки выстрелов из дуговых ружей столкнулись с энергетической интерференцией генератора силового поля Тёмных Механикум. Когда поток выстрелов иссяк, и исчезли последние вспышки рассеянной сферическим полем энергии, убийца двинулся вперёд, поднимая свои пистолеты.

Настроив прицельные устройства и захватив цели, тёмная фигура коснулась спусковых триггеров, посылая выстрел за выстрелом в кибернетических солдат. Их боевые доспехи не смогли остановить проклятые пули.

Их жизненные показатели и отчёты погасли на оверлеях Торкуоры, пока прицельные визиры архимагоса плясали вокруг анализируемых уязвимостей искажённой фигуры диверсанта.

Отряд часовых был мёртв. Авгуры техножреца обнаружили в помещении только одну биометрическую подпись. Под лохмотьями маскировки и собранной из запчастей кибернетики лазутчика находилась плоть, которую безошибочно опознали рунные банки памяти Торкуоры.

— Единица Стройка... — произнёс Торкуора. Модуляции его голоса отдались эхом вдоль перехода.

Диверсант промолчал. Под мрачный аккомпанемент нереального мерцания защитного поля над ним, кибернетическое извращение, которое было Хальдроном-44 Стройка, альфа-примусом легионов скитариев Торкуоры, сбросило свой плащ. Украденные доспехи мёртвого Ольтеги, взятые из разрушенных окопов у глубинных шахт Каньона Ортокус, соскользнули с его боевого шасси, словно вторая кожа. Вместе с ними исчезли идентификаторы бионики Ольтеги, а биометрия вернулась к своей изначальной плоти и кодам альфа-примуса. Стройка проделал все это в присутствии вражеского командира.

Выбросив разряженные обоймы из пистолетов, с характерным стуком упавшие на пол, извращённая вещь, которая когда-то была Хальдроном-44 Стройкой, перезарядила своё проклятое варпом оружие и отбросила прочь свой расколотый шлем. Без него, создававшего вид ужасающе израненного солдата-скитария, нуждающегося в обслуживании и киберхирургии, голова Стройки походила на исковерканное месиво. Мертвенная бледность его кожи оттенялась множеством инкрустированных варпом кабелей и трубок, накачивающих в его плоть чёрную субстанцию внутривенной порчи, напоминающую патоку.

Переработанные механизмы Ольтеги были изменены техноеретиками Тёмных Механикум, превратившись в отвратительное совершенство покрытой шипами, зазубринами и придатками-лезвиями кибернетики, с шипованным каркасом извращённого боевого шасси, растягивающим покрытую сыпью кожу Стройки до полной прозрачности. Горб варп-реактора торчал из развороченной спины бывшего скитария, питая энергией его бионику и генератор поля, прикрывавший его еретическое тело сферой имматериальной энергии.

Его искажённая плоть несла на себе отметки ужасных пыток и беспощадных экспериментов, а бесстрастная маска лица сидела на краниальных аугментациях, искрящихся и шипевших замыканиями. Это заставляло Стройку дёргаться и искажать черты. Его глаза прикрывало чёрное стекло очков, придавая диверсанту нечеловеческий вид хищного насекомого.

Торкуора филактически потянулся к бывшему альфа-примусу, пытаясь установить соединение с гнусным конструктором, но не обнаружил ничего. Какой-то мясник из Тёмных Механикум, руководивший трансформацией Стройки, вырвал эти способности из его мозга.

На мгновение архимагос почувствовал укол сожаления, столкнувшись с тем ужасом, которым стал Хальдон-44 Стройка, и который Идрисс Крендл вместе со своими техноеретиками пропустили через скитария.

Военный Кузнец превратил Стройку в губительное оружие. Ассасин, ведомый проклятыми механизмами, порченной плотью и горечью заново рождённой ненависти. Торкуора почти физически ощущал изъеденную враждебность воина, которого он оставил страдать в руках Крендла и его inferнальных жрецов.

Ответственность. Она долго была излишним понятием, похороненным глубоко внутри архимагоса, вместе с человечностью, и слишком долго мысли Торкуоры не касались её. Он не был построен для обработки таких чувств. Его протоколы и императивы нуллифицировали эмоции, как белые клетки крови уничтожают источник инфекции. Завладевали ими. Изменяли их и использовали.

Омнид Торкуора почувствовал себя ответственным за Стройку. За тысячи скитариев-солдат, котором он позволил умереть на Велханос Магна во имя сопоставления данных. За миллиарды обитателей мира-кузницы Сатцика Секундус, ставших теперь рабами тьмы из-за его лихорадочной жажды исследования, открытия и использования опасных технологий прошлого. Все во имя Великого Созидателя.

Ответственность нашла выход в решимости.

Бог-Машина нуждался в служении ему по-новому. Адептус Механикус сбились с пути служения. Как неуправляемый бронепоезд, блиндированный и безразличный, летящий вперёд на всех парах, но без чьих-либо рук на рычагах управления, Адептус Механикус скоро потерпят крушение. Они слетят с рельс своей святой цели — если уже не сделали это — и эффектно разобьются, канув в небытие в каком-либо апокалиптическом происшествии своего же собственного производства. Уничтоженные жадностью и алчностью.

Омнид Торкуора мог бы остановить неудержимый рост амбиций Механикус. Марсианская империя была бы спасена от самой себя. Больше всего это походило бы на сопротивляющуюся износу машину, нежели на взрыв и разлетающиеся осколки в результате разрушительных притязаний и открытий.

— Клянусь всем холодным и чистым, — объявил Торкуора, — всей святостью Машины, всей логикой, истиной и Омниссией — я заставляю порчу этого конструкта освободить его душу, заточённую сейчас в границах еретической аугментации.

Лицо Стройки передёрнулось, и его черепная бионика засверкала разрядами неестественной яркости. Он поднял пистолет, направив его на своего бывшего хозяина.

— Великий Созидатель, — сказал техножрец, — чья Движущая Сила одарила единожды слугу твоего искрой жизни и служением машине. Чьи благословенные алгоритмы направляют, чьи масла освящены и чьи аугментации сделали из этого некогда истинного конструкта много большее, чем он мог стать...

Насадка глушителя на стволе пистолета Стройки дрогнула и затряслась после благословения Бога-Машины. Это не помешало когтистой лапе диверсанта нажать на спусковой триггер, в горькой тихой ярости и боли.

Торкуора почувствовал, как обжигающие выстрелы проходят сквозь его внутреннее оборудование. Омытые нематериальной силой варпа, пули одновременно существовали, и не существовали, находясь и в настоящем времени своими металлическими оболочками и энергией движения, и в нереальности запредельного.

Системы Торкуоры предупредили его о факте прохождения пистолетных пуль сквозь его поле отражения, клинкерную броню костюма и гидравлику, кабельные системы и механизмы внутренностей. Его оптические оверлеи вспыхнули диаграммами, отчётами о повреждениях, показаниями мощности и диагностики. Игнорируя гололитические миазмы, архимагос сделал грохочущий шаг навстречу Стройке и его поднятому пистолету.

—...Прими славные механизмы раба Твоего и подключи его еще раз к дивному интерфейсу божественного соединения.

Стройка выстрелил снова. Дрожащий глушитель подпрыгнул дважды, трижды, когда оружие выплюнуло пули в приближающегося техножреца. Две в амвон, и одну в бронированный капюшон Торкуоры. Оверлеи деформировались и зашипели, когда суперкогитаторы и рунные банки амвона сообщили о боевых повреждениях их собственных систем. Один из выстрелов пробил капюшон одеяний Торкуоры, совсем рядом с его лицом несвежего трупа, уйдя в бронепластину костюма прямо над его головой, лишённой волос и покрытой старческими пятнами. Другой облучённый варпом заряд прорвался через механизмы, и поразил плоть утыканного кабелями и портами торса архимагоса.

Включились подсистему аутомедикации, и алхимические эликсиры регенерации затопили разёмы тела, принявшись затягивать рваную рану в боку техножреца. Это было чувство жгучей безотлагательности. Так много лет подряд Омнид Торкуора боролся с врагами Омниссии при помощи чудес Его технологий, филактически манипулируя своими слугами-воинами. И прошло очень много лет с того момента, как Торкуора действительно сражался с врагом лицом к лицу.

— Я прошу Тебя, Деус Механикус, — продолжил Омнид Торкуора. Каждый его тяжкий шаг делался с праведной решимостью жреца, призывающего своё божество, — Омниссия Воплощённый. Тот, кто слышит всё, видит всё и знает всё. Воззови к нему — к закалённому инструменту, этому оружию Твоего священного арсенала. Очисти его от нечестивых призывов. Выправь то, что было искривлено. Вымой загрязнение ложной веры и плоти и железа.

Пронеси сквозь его механизмы протоколы благословенных операций и доктринальных императивов машинного послушания. Яви в нем холодную силу железной истины и искру обслуживания, когда-то пылавшие в его своенравной плоти.

Торкуора смотрел на то, как Хальдрон-44 Стройка борется с его благословениями и освящениями. Бледная плоть Стройки дымилась от слов призыва к Богу-Машине, когда черные сгустки порчи, прокачивавшейся ранее сквозь тело, текли по его подбородку. Он согнулся пополам, и его вырвало мощным потоком бурлящей и кипящей порчи прямо на полированный пол покоев.

Когда Торкуора приблизился, пистолеты охваченного страданием конструкта снова поднялись, дребезжа в металлических когтях. Повинуясь замыканиям своих черепных аугментаций и энергиям, с треском разряжающимся в его голове, Стройка пытался сражаться со всеми забытыми протоколами, подпрограммами и холодной тиранией императивов. Он пытался противостоять непреклонным приказам, снизошедшим напрямую от Самого Омниссии. С самим Словом Божьим.

С каждым новым дождём искр и черепных замыканий, выражение лица Стройки менялось, переходя от пустой ненависти к душевной агонии. Пистолеты то поднимались, то опускались. Вот они упали вниз, когда Стройка боролся, и снова взлетели вверх, уставившись на техножреца, с желанием убийства, идущим из самых глубин его порченной души.

— Достаточно... — Стройка сплюнул остатки порчи, пятнавшие его губы. Его когти были стиснуты вокруг внезапно замерших пистолетов.

— Да, — сказал ему Торкуора. — Достаточно, единица Стройка.

Когда Стройка дёрнул когтями, пытаясь нажать на триггеры и пронзить Торкуору заряженными варпом пулями, архимагос ввёл в действие протоколы Эгиды. Бронированный костюм техножреца внезапно ожил. Магна-гидравлика и толстые поршни выстрелили, раскрыв гнезда, скрывавшие тяжёлое вооружение. Две чудовищные гидравлические дуговые клешни раскрылись на концах тяжёлых кибернетических рук, словно бутоны металлических цветов.

Грубые стволы торсионных пушек скользнули по направляющим, замерев ниже одной клешни. На другой руке короткий и толстый массив вооружения встал в позицию, выставив вращающиеся стволы гатлинг-пушки между расставленными когтями трещащей разрядами дуговой клешни.

Пистолеты Стройки задёргались, выплюнув проклятые пули в техножреца. Торкуора открыл ответный огонь из автопушек своего комплекса вооружения «Икар», посылая в Стройку настоящую метель из пуль. Их оболочки вспыхивали неестественными цветами варпа, когда защитное поле убийцы-ассасина делал все возможное, чтобы поглотить стремительный поток автоматического огня. Имматериальные заряды пистолетов Стройки, словно удары молота, обрушились на механизмы бронекостюма Торкуоры. Они пробили его высохшее плечо и живот. Переключив оружейный комплекс «Икар» с помощью гидравлики своего дополнительного вооружения, Торкуора стал выпускать в Стройку ракету за ракетой. Питаемый варпом силовой щит, казалось, справился с ослепляющими взрывами, но Стройка сдвигался назад с каждым колоссальным ударом.

Шагая с громким топотом, Торкуора поддерживал сокрушительный заградительный огонь, перезаряжая ракетную установку с каждым клацающим оборотом многоствольного механизма. Стройку швыряло взрывами ракет взад и вперёд, и странные энергии генератора Тёмных Механикус не выдерживали натиска, коллапсируя. Когда дым и гарь от взрывов рассеялись, Торкуора обнаружил Стройку наполовину согнувшимся и выкашливавшим порчу. Его энергетическое защитное поле мерцало, и выключалось, чтобы включиться со слабым шипением, а его плоть была выжжена огнём ракет. Один из пистолетов вырвало из разбитой

взрывом клешни, и Стройка пытался перезарядить оставшийся.

— Смирись, как истинный конструкт Благословенного Омниссии! — сказал Торкуора, наводя головки ракет и нацеливая строенный ствол своей торсионной пушки на Стройку. — Подчинись Движущей Силе!

Стройка завывал на палубе от охватившей его душевной боли, пока его плоть обугливалась до темноты над проклятым металлом боевого шасси. С трудом вбив новую обойму облучённых варпом пуль в пистолет, Стройка снова начал стрелять. Зарядив торсионную пушку, техножрец выстрелил силовым потоком частиц из раздутых стволов орудия. Когда гравитационное поле ударило Стройку, стволы торсионной пушки начали поворачиваться и вращаться вокруг друг друга. Отбросив его с силой, достаточной для размозжения каркаса, закрытые силовые поля каждого ствола безжалостно рвали и скручивали Стройку, оторвав руку в суставе, перемешав и скомкав металл его боевого шасси с измождённой плотью, и разбив самодвижущуюся гидравлику ног.

Ударившись о дальнюю стену, Стройка упал, словно безобразное месиво рваной плоти, скрученных конечностей и сочащейся из них порчи. Вслед за ним Торкуора услышал синхронный звук шагов скитариев-часовых, прибывших на палубу рефекториума.

<— Отбой>, — приказал техножрец, останавливая солдат. Торкуора стоял над сломанным воином, пока тот кашлял, хрипел и ревел, выплёскивая наружу ярость своего разрушенного тела.

Втягивая тяжёлое вооружение в предназначенные для него гнезда и складывая свои гидравлические клешни и придатки, Торкуора посмотрел вниз на Стройку. Он причинил альфа-примусу невыразимую агонию, высочайшее страдание, и собирался сделать намного большее, чтобы исправить конструкт, с которым архимагос когда-то поступил несправедливо.

Стройка отрыгнул и выплюнул сгусток мерзости порчи на бронированную обувь Торкуоры, разразившись маниакальным смехом продирающейся между уцелевшими механизмами тела искажённой души, ищущей путь наружу. Он потянулся уцелевшей рукой к гранатам, приколотым прямо к изорванной плоти плеча, как раз над разбитым каркасом боевого шасси. Зажав своей металлической клешней гранату, Стройка сорвал её, выдрав штифт-детонатор из кожи. Его смех сменился хихиканьем тёмного удовлетворения — убийца намеревался взвести и подорвать снаряжённую варпом гранату, и тем самым предать себя и архимагоса забвению.

— Нет, единица Стройка, — сказал ему Торкуора, подняв измаранный грязью ботинок, и опустив его, зажав когти, гранату и штифт детонатора между тяжёлой металлической подошвой и полом, — я намерен снова сделать тебя целым, — Торкуора объявил в пространство покоев: — Авторизация безопасности: 1/22/00/4. Принять.

Секция пола под ними начала дрожать. Пол опустился на своей встроенной гидравлике вниз, в лабораториум. Ремесленники и магосы, усердно трудившиеся над последними приготовлениями бомбы Геллера к запуску, подняли головы, чтобы посмотреть на своего

хозяина. Доносящиеся сверху взрывы и выстрелы давно уже привлекли их внимание.

— Магос этирикус.

— Да, мой господин, — сказал техножрец, разглядывая изломанный конструкт у ног Торкуора.

— Устройство Геллера готово к транспортировке и развёртыванию? — спросил Торкуора.

— Да, архимагос, — ответил техножрец. — С благословения Омниссии.

Взбешённый своими пойманными в ловушку когтями и оставшейся невзведённой гранатой, зажатой меж ними, Стройка перевёл свой пылающий взор на недавно собранную бомбу Геллера. На мгновение замерев, словно парализованный, порченный конструкт завизжал и затрясся, словно сойдя с ума.

— Одно последнее испытание, — приказал Торкуора. — Запуск фазирования полей, как первый этап нарастания перед к детонации.

— Но, архимагос, — сказал техножрец, — устройство уже проходило этот тест.

— Доставьте мне удовольствие, — приказал Торкуора.

Пока сервиторы готовили помещение, ремесленники и магосы отступили от устройства, перешагивая змеящиеся по полу лабораториума кабели. Заняв места за консолями и экранами, техножрецы спешно готовили запуск последовательности детонации устройства Геллера.

— Мой господин, может быть, вы предпочли бы не наблюдать испытания с...— попросил магос этирикус, но Торкуора оборвал его.

— Приступайте.

Стройка содрогался в приступах агонии своего разрушенного тела, Торкуора удерживал совращённого конструкта и его варп-гранату, а причудливая конструкция в центре лабораториума пробудилась к жизни с тяжёлым низким звуком. Окружённое транспортировочными подмостками, устройство издало зловещий гул, тревожащий внутренности и раздражающий слух. Магос этирикус объяснял каждый из предпринимаемых в испытании шагов, но Торкуора не слушал его. Он просто смотрел на внушающее ужас пробуждение бомбы Геллера, и слушал пение полевых конденсаторов, заряжающих оружие.

— Инициация фазового поля, — объявил магос этирикус. Торкуора отфильтровал свои оверлеи, когда Устройство Геллера внезапно ярко запылало. Ослепительный свет мерцал с такой силой, что прогнал прочь все тени и окрасил стены, оборудование и персонал лабораториума белизной.

У ступней архимагоса Стройка впал в истекающее порчей молчание. Он с ужасом смотрел на устройство Геллера, словно заглядывая в пасть смерти.

— Поле достигло целостности, — объявил техножрец, перекрикивая шум устройства. — Периметр расширяется.

Когда пылающий огонёк стал пузырьм жгучей реальности, с шипением расширяясь в стороны от бомбы Геллера, Торкуора почувствовал, что Стройка пытается вырвать свою клешню из-под ступни архимагоса. Когда тот прижал свой бронированный ботинок к полу, Стройка начал реветь, выказывая ужас и отвращение к полю Геллера. Его душа будет гореть, и порченный конструкт знал это.

Торкуора позволил пузырю реальности обволочь себя, вызвав всплеск статики и шипение брони. Он услышал крик Стройки. Плоть бывшего скитария обуглилась, обнажённый металл его развороченной кибернетики пылал бесплотным огнём. Порча хлынула из его носа, ран, и разёмов плоти, испаряясь, едва встретившись с полем Геллера. Когда испытание фазового поля позволила бомбе достичь полной мощности, Стройка снова заорал. На сей раз это был не крик сумасшедшей марионетки, одной из игрушек губительных монстров, но вопль человека. Это была честная и настоящая агония.

Торкуора удерживал его, погрузив в напряжённую реальность поля Геллера, и архимагос наблюдал, как Стройка проходит обратную трансформацию. Проклятый металл его аугментаций плавился и тёк, образуя лужи, кипящие и испаряющиеся. Порченные механизмы шипели, рассыпаясь искрами и взрываясь, словно предохранители, тёмные очки расплавились и потекли вниз по щекам ручьями липкого горячего стекла. Вместе со скверной порчи исчезли грязные линии и трубки, пятнавшие его выбеленную плоть. От Стройки остались лишь искромсанный хирургией торс и голова.

Он потерял сознание. Черты лица расслабились, отражая снизошедший на скитария мир, которого он не знал очень давно.

Торкуора кивнул магосу этирикус. Тот приказал своим техножрецам отключить фазовое поле Бомбы Геллера. Как только устройство выключилось, и шипящий пузырь реальности исчез, Торкуора приподнял свой ботинок. Варп-граната, как и тёмные кривые когти, сжимавшие её, расплавились и испарились.

— Устройство готово, — сказал Торкуора, обращаясь к магос этирикус. Он посмотрел вниз, на бессознательного Стройку. — Но мы не единственные, кто знает о его существовании. Императив: нам следует развернуть устройство Геллера немедленно. Подготовьте бомбу для транспортировки. Сейчас.

— Как пожелаете, архимагос.

— И сообщите магосу кибернетика, чтобы он собрал своих жрецов и благословил свой лабораториум, — сказал Омнид Торкуора, взирая на останки Хальдрона-44 Стройки. — У меня есть субъект для его хирургического стола.